

Путь личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского в БАН

С. В. Перекрестова

*Библиотека Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Российская Федерация,
perekrestova_sofya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9622-9990>*

Аннотация. В статье рассматривается процесс обработки личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского после ее поступления в БАН: начало и окончание этой работы, механизмы осуществления и последующего распределения экземпляров из собрания ученого по разным фондам БАН. Для решения этих вопросов анализируются как делопроизводственная документация, так и параметры, которые выявляются после непосредственного поиска и просмотра изданий *de visu*, в частности, владельческие признаки, технические пометы и ярлыки, определяется логика их нанесения на книги. Автор приходит к выводу, что инвентарь или опись библиотеки ученого составлены не были. Владельческий штамп проставлялся на книгах в период их обработки в БАН, а не в период использования владельцем. Штамп, равно как и сопровождавшие обработку книг, осуществлявшуюся неравномерно, технические пометы проставлялись не на все экземпляры. В условиях отсутствия обобщающего документа, характеризующего состав книжного собрания ученого, все эти параметры представляют не меньшую важность, чем столь же неравномерно распределенные по книгам основные владельческие признаки (суперэкслибрисы, автографы) и потому активно используются для решения исследовательских задач.

Ключевые слова: А. С. Лаппо-Данилевский, личная библиотека А. С. Лаппо-Данилевского, БАН, нешифрованный фонд БАН, библиотечная обработка личных коллекций

Для цитирования: Перекрестова С. В. Путь личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского в БАН // Научные и технические библиотеки. 2026. № 2. С. 100–121. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2026-2-100-121>

The route of A. S. Lappo-Danilevsky personal library in RASL

Sofia V. Perekrestova

*Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russian Federation,
perekrestova_sofya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9622-9990>*

Abstract. The author examines the processing of A. S. Lappo-Danilevsky's personal library after its inclusion into RASL from start to finish, as well as the applied methods and distribution of copies by various RASL collections. For this propose, the author analyzes the library records and the attributes revealed through direct search and de visu browsing, in particular, provenance attributes, markings and labels, and specifies their logics. The author concludes that the personal library was not inventoried or classified. The ownership's stamp belongs to the collection RASL provenance. The stamp and the technical markings evidence on the unsystematic processing, the markings appear not in every copy. With lacking general survey of the scholar's collection, these parameters and attributes are of no less significance than the similarly unevenly distributed key ownership attributes (super ex libris, autographs), therefore they are intensively used for the study proposes.

Keywords: A. S. Lappo-Danilevsky, A. S. Lappo-Danilevsky personal library, RASL, RASL unmarked collection, library processing of personal collection

Cite: Perekrestova S. V. The route of A. S. Lappo-Danilevsky personal library in RASL // Scientific and technical libraries. 2026. No. 2, pp. 100–121. <https://doi.org/10.33186/1027-3689-2026-2-100-121>

Известный русский историк, академик А. С. Лаппо-Данилевский (1868–1919) долгие годы преподавал в Санкт-Петербургском университете и других высших и средних учебных заведениях, а также вел исследовательскую, археографическую, редакционную и экспертную деятельность в Академии наук (АН) и целом ряде научных обществ. Разрабаты-

вая широкий круг научных проблем, ученый собрал достаточно обширную библиотеку.

Вопрос о судьбе этого книжного собрания был поднят коллегами А. С. Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г., через несколько дней после его ухода из жизни. 8 марта 1919 г. члены Общего собрания АН вынесли решение о приобретении библиотеки в полном объеме (5 тыс. томов) у его вдовы. При этом отмечалась как ценность этого книжного собрания, так и необходимость сохранить его цельность путем «составления общего инвентаря и вклеивания в каждую книгу *ex-libris* покойного академика» [1. С. 18–19, 2. С. 76].

Сложно сказать, намеревались ли коллеги А. С. Лаппо-Данилевского обеспечить предварительную обработку его библиотеки на месте прежнего хранения до фактической передачи в Библиотеку Академии наук (БАН). Ее осматривала специальная комиссия, но задачей последней было вынести общее мнение о ценности собрания и разумности его покупки. Это мнение и легло в основу решения членов АН в марте 1919 г. Поскольку библиотеку решили приобрести в полном объеме, в ее тщательном разборе после принятия этого решения могли не увидеть смысла. В таком случае цельность купленной коллекции предстояло обеспечить уже сотрудникам БАН в ходе проведения ее библиотечной обработки. В то время в составе БАН функционировали не зависящие друг от друга Первое (Русское) и Второе (Иностранное) отделения. Хотя членами АН это предметно не обсуждалось, очевидно, что для составления единого инвентаря и вклеивания экслибриса в каждую из книг академика обработка его библиотеки должна была вестись либо силами какого-то одного отделения БАН, либо обоими, но параллельно, и желательно до того, как будет начато перераспределение книг между отделениями.

Ни инвентарь или опись, ни документы, отражающие этапы их составления или хотя бы обсуждения этой задачи в стенах БАН, а не общего собрания АН, до сих пор не обнаружены. Надеяться на то, что к их составлению вообще приступили, практически не приходится, поэтому в работе по реконструкции личной библиотеки академика нужно использовать разные методы. Мы проводим аналитическую работу по выявлению возможных авторов и названий книг, теоретически могущих оказаться в составе библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского, и по проверке своих гипотез. Однако важнейшим методом, дающим наиболее ощути-

мые результаты, для нас остается работа «от полки», поиск и просмотр экземпляров *de visu*. Необходимость его активного применения становится еще более очевидной, если вспомнить о том, что для сохранения цельности личной библиотеки ученого его коллеги предлагали вклеивать в каждую книгу экслибрис. Сам А. С. Лаппо-Данилевский использовал простой суперэкслибрис со своими инициалами. Учитывая, что он не может маркировать владельческую принадлежность книг с переплетами, заказанными прежними владельцами, изготовленными в БАН и др., предложенный было академиками экслибрис, а фактически штамп «Из книг академика А. С. Лаппо-Данилевского», как вещь более мобильная, действительно должен был стать надежным владельческим признаком. Именно так, в качестве основного признака, он используется в тех книгохранилищах, в которых были выявлены экземпляры из библиотеки ученого [3. С. 877, 4. С. 332 и др.]. Работая с материалами БАН, мы покажем, что всецело опираться на штамп нельзя.

Самые ранние сведения о прохождении книг из личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского через процедуру библиотечной обработки мы встречаем в отчетной документации Первого отделения БАН за 1926 г., посвященной разбору нешифрованного фонда. Под последним понимался массив необработанных экземпляров, в особенно крупных объемах скопившихся в революционные и послереволюционные годы в результате реквизиции, покупки и получения в дар личных коллекций, фондов ликвидированных учреждений и др. Сверке с каталогами для выявления дублетов, инвентаризации, присвоению шифров и расстановке изданий из нешифрованного фонда предшествовала многолетняя работа по их «алфавитизации», то есть систематизации в алфавитном порядке. В отчете говорится, что книги академика в это время проходили через «разборку» и «штемпелевание» [5. Л. 2–2 об., 20–20 об.]. До этого времени его библиотека, очевидно, оставалась частью нешифрованного фонда и только в указанный период началась, в том числе, работа по снабжению его книг специальным книжным знаком, владельческим штампом. В докладной записке от 1928 г. все еще фигурируют «не разобранные остатки» его библиотеки [6. Л. 51 об.].

В это же время библиотека А. С. Лаппо-Данилевского начинает фигурировать в документации другого, Шестого отделения. В его производственном плане «по читальному залу» на 1927/28 гг. упоминаются пла-

ны не по алфавитизации, а по инвентаризации и даже каталогизации «биб-ки акад. Лаппо-Данилевского» [7. Л. 16]. Шестое отделение, собственно общий читальный зал, было создано в конце 1925 г. Ему полагался подсобный, он же справочный фонд, к 1927 г. этот фонд составлял 4200 библиотечных единицы. Приводя эту цифру, директор БАН С. Ф. Платонов также писал о высокой пользе дублетного, или запасного фонда, который должен был комплектоваться по мере сверки уже алфавитизированных сотрудниками Первого отделения книг с каталогами БАН (во Втором отделении разбор нешифрованного фонда, ввиду меньшего его объема, велся в упрощенном и ускоренном режиме). Один из положительных моментов этой работы заключался в возможности комплектования дублетами справочного фонда читального зала [8. С. 191]. Поскольку, как мы понимаем из производственного плана Шестого отделения, книги из личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского были, по меньшей мере частично, переданы в отделение примерно к этому моменту, можно предположить, что они уже прошли через проверку на дублетность, то есть упоминавшаяся в посвященном алфавитизации нешифрованного фонда отчете Первого отделения за 1926 г. «разборка» библиотеки ученого велась быстрее, чем работа над основным массивом необработанных книг. Либо ей уделялось специальное внимание, либо проверка на дублетность велась по ходу, или, наоборот, прежде упоминающегося там же «штемпелевания» книг академика. Однако, поскольку библиотека А. С. Лаппо-Данилевского продолжает фигурировать как частично не разобранный даже в более поздней отчетной документации, более вероятно, что когда-то принадлежавшие ученому книги передавались в справочный фонд читального зала как в структуру только что созданную и потому нуждавшуюся в быстром комплектовании, еще до завершения всех манипуляций по обработке, до проверки на дубликаты и лакуны, либо что нужные проверки осуществлялись ускоренно и целенаправленно, в отрыве от еще не доведенного до этого этапа основного массива нешифрованного фонда. Опираясь на сами книги, мы узнаем, что проверка на дублетность была тесно связана со штемпелеванием. В пользу этой мысли приведем пример двух дублетов по отношению даже не к фондам БАН, а друг к другу. Владевшего ими академика это не смущало, оба экземпляра снабжены его суперэкслибрисом, чего не скажешь о проставлявшихся сотрудниками БАН владельческих штампах

и технических пометах – их мы видим только на одном экземпляре [9]. «Оставленный без внимания» экземпляр, по-видимому, был при обработке отсеян, хотя в конечном итоге обе книги оказались в основном фонде, причем, судя по шифрам, они были зашифрованы с разницей в несколько лет, и «забракованная» была книга прошла через эту процедуру раньше. Получается, что снабжение книг А. С. Лаппо-Данилевского единым владельческим знаком, первоначально задумывавшееся как логичная мера по сохранению единства коллекции, к тому моменту, когда им активно занялись, достаточно далеко ушло от решения этой благородной задачи, оно стало скорее одним из этапов обработки только тех книг, которые оставались интересными БАН. С другой стороны, в библиотеках за пределами БАН экземпляры из коллекции ученого идентифицируют прежде всего по штампу. В эти библиотеки книги попадали через обменный фонд БАН, туда же в свое время попадали и отсеянные дублеты. Это означает, что штамп А. С. Лаппо-Данилевского все же ставился даже на них. Если рассуждать в этом ключе, описанную нами ситуацию, по-видимому, можно считать случайностью. Но, возможно, допускались разные варианты обработки книг академика, и книга из нашего примера – не единственное русскоязычное издание, о принадлежности которого к библиотеке А. С. Лаппо-Данилевского мы можем никогда не узнать, поскольку в отсутствие суперэкслибриса и автографа оно не получило и штампа.

В 1930-е гг. было осуществлено масштабное реформирование структуры БАН. Библиотека переустраивалась по функциональному принципу. Большая часть профильных отделений, в том числе Первое (Русское), была ликвидирована. Весь массив необработанной литературы на разных языках был передан в Отдел комплектования. В это же время функцию читального зала по осуществлению справочно-библиографической работы передали специальному подразделению, которое к 1936 г. оформилось как справочно-библиографическая группа Отдела обслуживания [10. С. 390–392]. В ходе проведенной незадолго до этого проверки работа читального зала по предоставлению соответствующих услуг была подвергнута критике как носившая «случайный характер», а его «подручная [не справочная. – С. Л.] библиотечка» – как отличавшаяся «односторонностью и неполнотой», подбиравшаяся «по совершенно вольному принципу», состоявшая из книжного собрания

А. С. Лаппо-Данилевского и «ряда случайных поступлений и покупок». Проверяющие настаивали на передаче тогда еще проектировавшемуся специальному подразделению всей справочно-библиографической библиотеки читального зала и на ликвидации его «подручной» библиотеки с последующим распределением книг, скорее всего, по принадлежности (текст документа обрывается) [11. Л. 105–105 об.]. Сложно сказать, действительно ли «подручная» и справочная подсобные библиотеки читального зала настолько четко отделялись друг от друга и, если это так, с какого момента их стали разделять. Возможно, проверяющие имели в виду не существование двух структур внутри подсобного фонда читального зала, а грядущую необходимость пересмотра всего его состава с тем, чтобы будущим распорядителям были оставлены только те книги, которые будут полезны им в их справочной работе, с передачей остальных изданий в основной фонд. Как бы то ни было, именно в 1936 г. библиотека А. С. Лаппо-Данилевского была перемещена с хор читального зала в коридор [12. Л. 38–38 об.].

Ни в одном из разобранных выше документов не отмечается, что речь идет всего лишь о фрагменте книжного собрания ученого, в них всегда говорится о библиотеке ученого как таковой. Знакомство с этими документами как будто наводит нас на мысль, что все это время она хранилась достаточно компактно. На самом деле, как мы еще увидим, впечатление о ее цельности обманчиво. В то же время, когда происходил пересмотр состава подсобного фонда читального зала, в план Отдела комплектования на 1937 г. была включена работа с «б. частными библиотеками». Имелись в виду все ее известные нам еще по документации 1920-х гг. этапы: разбор, сверка с каталогами. Только вместо передачи в надлежащих случаях книг в дублетный фонд их теперь предстояло распределять между БАН и обменным фондом. В качестве примера «б. частной библиотеки» фигурировала все та же библиотека А. С. Лаппо-Данилевского [13. Л. 77–78]. Иными словами, она все-таки уже десяток лет была доступна читателям и сотрудникам БАН лишь частично, остальная ее часть еще не была разобрана. План по работе с ней воплощать не пришлось. Все в том же 1937 г. директор БАН И. И. Яковкин, опираясь на заключение специальной комиссии, обсуждавшей судьбу некоторых личных коллекций в БАН, выпустил распоряжение о передаче до сих пор не обработанной части библиотеки А. С. Лаппо-

Данилевского в нешифрованный фонд. Члены комиссии, готовившие заключение по ней, описали уже известный нам путь обработанной ее части, отметив, однако, что первоначально она использовалась сотрудниками Первого отделения («фонд б. Библиограф. Отдела б. I Отделения БАН, затем в фонд Ч. 3 и частично в фонд Справ. библиограф. группы») [14. Л. 70, 73 об.]. Судя по уточнению «частично», после расформирования подсобной библиотеки читального зала в фонд справочно-библиографической группы действительно были переданы не все книги ученого, на тот момент входившие в его состав, а только те, что были для этого специально отобраны.

Ко второй половине 1930-х гг. основной функцией сотрудников БАН, занятых разбором нешифрованного фонда, предписывалось считать не «освоение», а «реализацию» фонда, то есть распределение его материалов как по БАН, так и по сторонним учреждениям [15. Л. 2–4]. Это коснулось и библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского. В 1938 г. экземпляры из ее до сих пор не «реализованного» фрагмента были распределены между БАН и обменным фондом [16. Л. 100]. Не случайно первое поступление книг ученого в фонды библиотеки Пушкинского дома как академического учреждения, то есть естественного претендента на получение изданий из обменного фонда БАН, пришлось именно на конец 1930-х гг. [3. С. 876].

Схожая динамика оказалась присуща и отечественному фонду основного хранения самой БАН. Среди шифров экземпляров из библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского, попавших в фонд, встречаются те, что присваивались книгам в 1899–1925 гг., а значит, получившие их издания были обработаны вскоре после покупки библиотеки ученого. Однако большая часть книг располагается в так называемом III поясе, то есть на участке ретроспективного комплектования отечественного фонда, созданном в 1930 г. Более того, книги А. С. Лаппо-Данилевского располагаются здесь главным образом на шифрах, присваивавшихся после 1938 г., уже известного нам по коснувшимся судьбы этой книжной коллекции документам (первоначально одним из элементов таких шифров становился год обработки (III 1935к/18), после 1938 г. годы в них не включались (III к/26)). Видимо, на эти шифры встали как раз те издания, которых коснулось решение о передаче до сих пор не разобранного фрагмента библиотеки академика в обменный фонд при условии

включения экземпляров, все-таки оказавшихся востребованными, в другие фонды БАН. Не совсем понятно, где все это время находились те книги ученого, что были направлены в русский фонд (до реформы 1930-х гг. – в фонд Первого отделения) ранее. Как мы поняли, первоначально они использовались в качестве справочной литературы в самом Первом отделении, потом были переданы в подсобный фонд сначала читального зала, а потом справочно-библиографической группы. Возможно, в читальный зал в свое время были переданы не все уже имевшиеся в русском фонде экземпляры или же какая-то их часть изначально использовалась не для осуществления справочной работы, а для выдачи читателям. Видимо никуда не переданных экземпляров было очень немного. Столько, сколько мы видим в расстановке первой четверти XX в. Если те книги, которые отсеивались в конце 1930-х гг. в рамках пересмотра подсобного фонда справочно-библиографической группы, не передавались в обменный фонд, то в русском фонде они должны были попасть на поздние участки III пояса.

В этих книгах представлены любопытные технические пометы. На свободном пространстве владельческих штампов простым карандашом проставлены одни номера, в левых нижних углах титульных листов – совершенно другие, уже чернилами. Карандашные пометы присутствуют на подавляющем большинстве выявленных на данный момент в отечественном фонде книг ученого, чернильные – тоже на многих, но все-таки на меньшем их количестве. Напомним, что на одном из дублетов из приводившегося нами выше примера нет не только владельческого штампа, но и таких помет, причем, в отличие от получившего поздний шифр экземпляра, этот попал в фонд еще в 1934 г. [9]. Можно сказать еще об одной книге без технических помет, зашифрованной примерно тогда же, в 1935 г. [17], равно как и, впрочем, о книге с поздним шифром [18]. На соседствующих с ними книгах пометы есть, так что искать здесь четкую закономерность, по-видимому, бесполезно. Непросто разобраться и в ситуации, складывающейся вокруг экземпляров в расстановке 1899–1925 гг. На некоторых из них, очевидно прошедших обработку гораздо раньше попавших в III пояс, присутствуют карандашные технические пометы, а на некоторых – нет. Если в пометах в книгах III пояса использовались достаточно крупные числа (на данный момент нам известны таковые, близящиеся к концу шестой сотни [19]), то в книгах

с ранними шифрами – достаточно небольшие, самое малое из на данный момент нам известных – 16 [20]. Чернильных помет в них нет; даже в книгах, обработанных в 1930-е гг., они встречаются не всегда (впрочем, нам известен экземпляр, имеющий только чернильную помету [21]). Чернильные пометы содержат достаточно большие числа (в том числе более чем 5 тыс.) при том, что, как мы помним, вся библиотека А. С. Лаппо-Данилевского, по словам его коллег, состояла из 5 тыс. томов, к тому же отнюдь не только русскоязычных.

Обобщая эти наблюдения, можно предположить, что карандашные пометы отражают процесс обработки книг академиком сотрудниками Первого отделения БАН в середине – второй половине 1920-х гг., почему они и не попали в экземпляры, на тот момент уже переданные в читальный зал. С другой стороны, все это можно объяснить иначе: пометы проставлялись еще позже, на стадии распределения книг между БАН и обменным фондом в конце 1930-х гг. Но в этом случае непонятно присутствие помет на книгах из расстановки первой четверти XX в. Отсутствие помет на некоторых книгах может говорить как о человеческом факторе (ошибке), так и о том, что пометы проставлялись не на всех книгах, проходивших через руки сотрудников БАН, а только на тех, которые, по завершении всех проверок, отбирались в фонды. То, что помет нет на некоторых книгах с шифрами III пояса без указания года, объясняется тем, что туда в основном попадали книги, отразившие позднейшие попытки сотрудников БАН разобрать до сих пор не обработанную их часть и решить, какие из них останутся в нешифрованном и, далее, в обменном фонде. Чернильные пометы могут отражать позднейшие этапы обработки книг ученого. Учитывая размер некоторых чисел, объем библиотеки академика на момент ее покупки и то, что такие пометы встречаются даже реже карандашных, они могли использоваться и в книгах других владельцев. То есть, казалось бы, они могли не отражать процесс обработки исключительно библиотеки ученого, однако за пределами этой коллекции они нам ни разу не встречались. Отметим также, что, хотя первой стадией обработки библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского была алфавитизация, ни те, ни другие пометы не позволяют нам выстроить книги в четком алфавитном порядке, хотя во многих случаях такое впечатление частично складывается. Это неудивительно, учитывая, что за алфавитизацией следовали проверка на дублетность и отсеивание

в обменный фонд. Составлялись ли при этом какие-то списки, сказать сложно, их следов нам пока обнаружить не удалось. Необходимо отметить, что книги с пометами (во всяком случае, карандашными) встречаются за пределами БАН [20], а значит, их путь был сложнее, чем можно себе представить, знакомясь с разобранными выше документами. То, что какие-то книги успешно прошли все стадии обработки еще до принятия решения о возвращении «нереализованных» изданий в нешифрованный фонд и о дальнейшей передаче в обменный фонд, не гарантировало того, что в последующем они все же окажутся в его составе.

Основной фонд – не единственный фонд БАН, в котором хранятся экземпляры из личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского. Описанных выше помет нет в книгах из фондов других отделов, но встречаются другие. Прежде всего нужно сказать о книгах из фонда нынешнего Справочно-библиографического отдела (СБО), поскольку, как уже говорилось выше, на всем протяжении периода частого упоминания библиотеки ученого в делопроизводственной документации БАН, то есть в середине 1920-х – первой половине 1930-х гг., утверждалось, что большая часть изданий из уже разобранный ее части хранилась в фондах предшественников указанного отдела (в настоящее время такое впечатление больше не складывается). К тому же именно о планах читального зала по инвентаризации и каталогизации оказавшегося в их распоряжении фрагмента библиотеки ученого мы знаем из достаточно авторитетных источников, а не просто догадываемся исходя из факта наличия технических помет. Составленные по итогам каталогизации документы, если они были подготовлены и если к каталогизации вообще приступили, нам не известны. На некоторых экземплярах мы видим четырехзначные числа, нанесенные черными чернилами на нахзацы, и на всех – такие пары технических помет, как горизонтальные записи в виде «0/[число]» синим карандашом и более аккуратные и убористые записи черными чернилами того же содержания, но с «ЛД» вместо «0», вертикально ориентированные и прижатые к месту стыка листа с корешком, то есть расположенные так, как обычно на страницах располагают инвентарные номера. Мы знаем об экземплярах с техническими ярлыками, содержащими фрагменты записей такого рода, аналогичных помещенным в самих книгах [23], как будто эти записи представляли собой шифры, может быть временные, облегчавшие работу по разбору библиотеки ученого.

При обработке многотомных изданий записи дублировались [24], а не шли по нарастающей, как это происходило с пометами на русскоязычных книгах основного фонда. Можно предположить, что именно в таких пометах мы видим отражение запланированной сотрудниками читального зала работы по каталогизации и инвентаризации библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского. Отметим, однако, что мы видим такие пометы даже в тех экземплярах, в которых нет штампа читального зала, имеются только штампы справочно-библиографической группы и СБО [25]. Впрочем, их сотрудники могли продолжить работу, начатую их коллегами в конце 1920-х гг. Делая все эти предположения, мы должны отметить, что подобные пометы встречаются и в тех экземплярах из фонда СБО, которые не имеют к библиотеке А. С. Лаппо-Данилевского никакого отношения [26], но в их случае оба элемента помет начинаются с «0», а не с «ЛД» (скажем, однако, об интересном экземпляре, входившем когда-то в библиотеку ученого, но получившем помету с «0» в начале, причем только одну, ту, что наносилась чернилами, но продублированную на техническом ярлыке [27]). Наличие за пометами в книгах ученого определенной специфики может говорить о том, что в ходе подбора и обработки литературы для подсобного фонда читального зала на ранних этапах его работы разбору библиотеки академика уделялось специальное внимание. Мы видим такие пометы на экземпляре из подсобного фонда Отдела редкой книги (НИОРК), когда-то переданном туда, судя по штампам, одним из «предшественников» СБО [28]. Однако на экземплярах из Славянского фонда (входит в основной фонд, на момент получения книг ученого функционировал как автономное отделение), одновременно переданных ему из читального зала, таких помет нет. В этом нет загадки, книги были переданы еще в 1929 г., то есть, судя по всему, вопреки последовавшим затем упрекам в некритичности участников комплектования подсобного фонда читального зала, были отсеяны его сотрудниками как не соответствующие профилю их отделения [29, 30. С. 97].

На форзацах или начальных элементах книжных блоков некоторых экземпляров мы видим и другие технические пометы, тоже включающие в себя первые буквы фамилии ученого, но совершенно не совпадающие с основными, парными пометами, в числовой своей части. Они выглядят следующим образом: «Л.Д.б./137», нанесены простым карандашом. «Б» могло бы означать «библиотеку», но вместо нее попадает и «в».

Обе буквы могли бы означать формат, но вместо них встречаются даже римские цифры (II и III). Как и «парные пометы», в многотомных изданиях такие записи дублируются, а не возрастают [24]. Впрочем, можно привести пример полного отсутствия такой пометы на одном из томов при ее наличии в другом [31]. Главное же в том, что такие пометы представлены далеко не на всех экземплярах конкретно из фонда СБО, но в целом они встречаются во всех фондах БАН, располагающих книгами ученого. Меньше всего книг с ними – в основном фонде, причем в одном из известных нам случаев такую помету имеет только одна книга из четырехтомного собрания сочинений [32], в другой она практически стерта [33], а еще в двух нет никаких следов таких помет, их там не оставили. В фонд эти книги попали достаточно поздно, возможно даже через обменный фонд, и наличие в них разбираемых сейчас помет не подчеркивает факт наличия определенной специфики у помет в книгах ученого, хранящихся в основном фонде.

Уже говорилось, что в русскоязычную часть основного фонда книги из личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского начали поступать примерно с середины 1920-х гг., но массово – не ранее чем с конца 1930-х гг. В подсобный фонд читального зала и справочно-библиографических подразделений БАН – тогда же, но основной поток пришелся на начало указанного периода. Рукописный отдел (сейчас – НИОР) был создан в 1901 г. в составе Первого отделения, в его подсобный фонд книги А. С. Лаппо-Данилевского могли попасть в любой момент. В середине 1920-х гг. в составе Первого отделения появился отдел книг XVIII в., в него должны были перейти книги на русском языке до 1825 г. включительно, соответственно, выделение книг этого периода в составе личных коллекций происходило в БАН с самого начала планомерного разбора нешифрованного фонда. В 1936 г. эти и другие ценные книги, в том числе гораздо более поздних годов издания, оказались в составе Отдела особых фондов. В середине 1950-х гг. был создан объединенный Отдел рукописной и редкой книги. Ему предстояло пройти еще через ряд преобразований, но привычный для нас и сейчас профиль НИОРК по части русскоязычной печатной книги (до 1825 г.) утвердился тогда окончательно. С самого его появления в середине 1920-х гг. фонды отдела комплектовались не столько за счет дублетного, нешифрованного и об-

менного фондов, сколько за счет основного. В ходе формирования отдела комплектование проводилось целенаправленно и оперативно [10. С. 352]. Поскольку в настоящее время нам недостает данных для четкого датирования технических помет основного фонда, их отсутствие в книгах НИОРК, очевидно говорящее о том, что эти экземпляры были переданы в отдел до того, как были проставлены пометы, заставляет нас относить эту передачу либо к периоду до середины 1920-х гг., то есть периоду первоначального интенсивного комплектования фондов отдела, либо же – до конца 1930-х гг., причем в первом случае книги, скорее всего, передавались из основного фонда, а во втором – возможно, все же из нешифрованного. То же самое нужно сказать о подсобном фонде НИОРК, а возможно – и об аналогичном фонде НИОР. Бронированный фонд (предшественник Отдела изданий Академии наук (ОИАН)) был создан в 1930 г., когда обработка библиотеки ученого была далека от завершения. Для фонда это было не очень важно, потому что книги передавались в него из дублетного фонда, а тот, по мере обработки фонда нешифрованного, долгое время пополнялся достаточно быстро и ощутимо. О том, что книги академика попали в Бронированный фонд в 1930-х гг., говорят даже их переплеты, изготовленные в это время, причем непосредственно для него (черная бумага с промышленными мотивами на форзацах и нахзацах, определенный тип декоративной бумаги промышленного производства с черным фоном (имитация паттерна «испанская волна») на крышках переплета).

Учитывая универсальность помет, начинающихся с «Л. Д.», логично предположить, что именно они, а не порядковые номера на штампах, проставлялись в книгах из личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского сотрудниками Первого отделения БАН одновременно с их штемпелеванием, алфавитизацией и др. начиная с середины 1920-х гг., либо сотрудниками отдела комплектования с начала 1930-х гг., либо и теми, и другими по мере достаточно затяжной обработки библиотеки ученого. Но почему же тогда эти пометы присутствуют далеко не на всех книгах академика? Почему их практически нет на книгах из основного фонда? Во все фонды БАН книги передавались, очевидно, из одних и тех же источников. Можно предположить, что пометы проставлялись в обменном фонде, но тогда непонятно их присутствие на книгах СБО, переданных в

его фонд очень рано, в период активного комплектования подсобной библиотеки читального зала напрямую из нешифрованного фонда, и отсутствию (во всяком случае, необязательное присутствие) на книгах, хранящихся за пределами БАН, в других библиотеках, очевидно попавших туда через нынешний обменно-резервный фонд БАН. Надеяться на то, что они представляют собой воспроизведение записей из инвентаря библиотеки ученого, а значит, он был составлен или хотя бы начат, нам мешают те же обстоятельства.

Все это время мы говорили о русскоязычных изданиях из библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского, основной текст работы начался с датирования обработки этого собрания по источникам Первого отделения БАН. Посвященные разбору нешифрованного фонда документы, подготовленные Вторым отделением, такой информации не дают. Основным источником и одновременно методом работы не только по выявлению книг ученого на иностранных языках, но и по датированию их обработки оказывается поиск *de visu*. Именно он позволил нам выявить в иностранном фонде основного хранения массив интересующих нас изданий и выяснить, что по большей части они компактно хранятся отнюдь не в VI поясе (аналог III пояса в иностранном фонде, также созданный в 1930 г.), а в рамках инвентарной расстановки, использовавшейся до реформы БАН, к тому же на том ее участке, экземпляры которого были обработаны в 1919 г. Иными словами, библиотека ученого не упоминается в отчетной документации Второго отделения и Отделов иностранных комплектования и обработки, посвященной разбору нешифрованного фонда, потому что книги академика на иностранных языках туда не попали, они прошли надлежащую обработку уже в год их покупки.

Выполнение пожелания академиков по снабжению всех когда-то принадлежавших их коллеге экземпляров владельческим знаком было начато сотрудниками Первого отделения не ранее середины 1920-х гг. и осуществлялось в рамках разбора все того же нешифрованного фонда. Сотрудников Второго отделения это не коснулось: ни на одном из попавших в его фонды экземпляров из библиотеки ученого владельческого штампа нет. Нет там и описанных нами помет. Есть другие, как оказалось, самые универсальные в смысле распространенности на экземплярах из разных фондов БАН, но и самые специфические. На последних страницах книжных блоков и нахзацев многих из этих книг встречаются

достаточно неловкие, иногда даже не совсем разборчивые краткие записи, сделанные одним почерком, не всегда четко указывающие на их владельца (в книгах других владельцев они, однако, не встречаются) и не всегда грамотно составленные. Чаще всего это «л с», встречаются «л пр» и даже просто «д», как, впрочем, и относительно вразумительные «Л Д С», «л д пра», «лапа» и др. То, что они встречаются и на экземплярах из иностранного фонда, по меньшей мере должно было бы дать нам возможность идентифицировать, в условиях отсутствия штампа, те издания из фонда, которые к тому же не снабжены автографами и суперэкс-либрисами. Однако именно на таких экземплярах помет нет, даже на экземплярах из отечественного фонда, демонстрирующих штамп. Складывается впечатление, что пометы очень схематично регистрируют наличие суперэкслибриса А. С. Лаппо-Данилевского, а не маркируют владельческую принадлежность книг как таковую. В пользу этой догадки говорит и помета «Анг. 2 линией верху [далее неразборчиво]» [34]. Действительно, суперэкслибрис на корешке этого экземпляра выполнен на латинице, и декор под ним – упрощенный, не самый характерный для переплетов ученого, из двух линий. В экземплярах с типичными переплетами, нижняя часть корешков которых заклеена техническими ярлыками (такие ярлыки не использовались уже во второй половине XX в., соответственно, данные пометы, видимо, тоже были сделаны в период обработки и «реализации» книг ученого), пометы встречаются и хотя бы в этих случаях облегчают задачу по атрибуции экземпляров.

Книги ученого были обработаны во Втором отделении БАН в рамках текущей деятельности, не связанной с выполнением срочных или специфических задач (в том числе задачи сохранения единства библиотеки академика). Именно поэтому мы считаем, что под штемпелеванием в отчетах Первого отделения 1920-х гг. имеется в виду снабжение книг не техническими библиотечными штампами, а владельческим штампом. Конечно, на многих книгах есть автографы и суперэкслибрисы, но, разумеется, не на всех: нельзя забывать о замененных переплетах, о тех, что остались от предшественников ученого как книговладельцев и т. д. Местонахождение инвентарных книг и книг поступлений иностранного фонда нужного нам периода сейчас неизвестно, как неизвестно и то, были ли в них указаны источники этих поступлений (вовсе не обязательно). Это означает, что, имея представление о характерных владельческих

маргиналиях, особенностях почерка ученого и др., некоторые из книг мы вынуждены атрибутировать как принадлежавшие ему лишь условно. Еще большей осторожности требуют книги с чужими владельческими признаками (само по себе их наличие не означает того, что академик не мог стать их последующим владельцем) и с полным отсутствием таковых, хранящиеся на интересующем нас участке иностранного фонда рядом или даже по соседству, вперемешку с книгами, безусловно принадлежавшими академику. Это также означает, что переданные в обменный фонд и в другие библиотеки экземпляры изданий на иностранных языках, не демонстрирующие основные владельческие признаки, тем более при отсутствии признаков менее очевидных, атрибутировать уже не получится.

Реконструкция личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского требует применения разных методов работы и обращения к разным группам источников. По-видимому, опись или инвентарь этого собрания составлены не были, по крайней такие, которые охватили бы всю библиотеку. Разные ее фрагменты обрабатывались неравномерно. Это сказалось как на внешнем оформлении следов этой обработки, так и на владельческих признаках. Владельческий штамп, судя по всему, проставлялся не ученым, а сотрудниками БАН, причем далеко не на все книги, и потому не может служить универсальным параметром их атрибуции. Столь же большие расхождения наблюдались в распределении книг по фондам БАН и в том, остаются ли они там до сих пор.

Сложный путь личной библиотеки А. С. Лаппо-Данилевского может служить примером сразу нескольких явлений в жизни библиотек нашей страны непростых революционного и раннесоветского периодов. Отсутствие описей, инвентарей, списков лишает исследователей возможности составить полноценное представление о том или ином личном книжном собрании при его передаче в какое-либо книгохранилище даже в наше время, тем более негативные последствия эти обстоятельства имеют для коллекций, передававшихся во времена менее спокойные, не гарантирующие составление полноценной, устоявшейся документации. Все, что мы имеем в нашем случае, – это планы коллег ученого по АН, инициировавших и одобривших покупку его библиотеки для БАН, относительно порядка ее передачи и обработки, но не планы сотрудников БАН на этот счет. Уже это наводит нас на очевидную мысль о необходимости уделять

самое пристальное внимание плановой и отчетной документации того учреждения, которое несло ответственность за саму коллекцию, то есть БАН. Однако эти источники не дают сколько-нибудь четких ответов на вопросы о судьбе коллекции, ее обработке, степени воплощения в жизнь решений, предложенных членами АН. Это обстоятельство не только заставляет нас обращаться к источникам разных типов и разного происхождения, включая источники уникальные, характерные именно для библиотечного дела (от владельческих признаков до технических помет), но и демонстрирует нам сложную ситуацию периода переустройства как страны, так и отдельных систем, обеспечивавших ее функционирование, включая те структуры, которые были связаны с библиотечным делом, а также собственно БАН, саму по себе претерпевшую значительные изменения, непосредственным образом сказавшиеся на структуре ее фондов. Судьба коллекции, чья история послужила предметом рассмотрения в данной статье, отражает и иллюстрирует изменчивость и неоднозначность политики библиотек, получавших в свое распоряжение личные собрания, а также другую специфичную, сыгравшую большую роль в судьбе фондов БАН и распорядившихся ими отделов проблему. Речь идет о формировании, точнее, нарастании нешифрованного фонда, усугублении и постепенном разрешении этой проблемы, а также аналогичных вопросах, связанных с формированием и дальнейшим использованием дублетного и обменно-резервного фондов.

Список источников

1. **Протоколы** заседаний Историко-филологического отделения Российской академии наук. 1919. [Б. м.], [б. г.].
2. **Протоколы** заседаний Общего собрания Российской академии наук. 1919. [Б. м.], [б. г.].
3. **Беляев Н. С.** Книги из собрания А. С. Лаппо-Данилевского в библиотеке ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) // Академик А. С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества / отв. ред. В. В. Козловский, А. В. Малинов. Санкт-Петербург : Интесоис, 2019. С. 874–887.
4. **Званская Е. В.** Фрагмент частной книжной коллекции академика А. С. Лаппо-Данилевского в фонде редких и ценных изданий Брянской областной научной универсальной библиотеки имени Ф. И. Тютчева // Румянцевские чтения – 2021 : Материалы Между-

- народной научно-практической конференции : в 2 ч. Москва, 21–23 апреля 2021 года. Ч. 1. Москва : Пашков дом, 2021. С. 331–335.
5. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1926 г.). Ед. хр. 27.
  6. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1928 г.). Ед. хр. 7.
  7. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1927 г.). Ед. хр. 14.
  8. **Платонов С. Ф.** Библиотечное дело // Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за десять лет, 1917–1927 / ред. А. Е. Ферсман. Ленинград : АН СССР, 1927. С. 188–200.
  9. **Рожков В. И.** Берг-компания в магнитной горе Благодати в Сибири и на Медвежьих островах в Лапландии в царствование Анны Иоанновны. Санкт-Петербург : А. Траншель, 1885. [2], 152 с.
  10. **Луппов С. П., Копанев А. И., Кукушкина М. В. и др.** История Библиотеки Академии наук СССР. 1714–1964. Москва ; Ленинград : Наука, 1964. 608 с.
  11. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1932 г.). Ед. хр. 73.
  12. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1936 г.). Ед. хр. 21.
  13. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1937 г.). Ед. хр. 18.
  14. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1937 г.). Ед. хр. 2.
  15. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1937 г.). Ед. хр. 34.
  16. **СПбФ** АРАН. Ф. 158. Оп. 3 (1938 г.). Ед. хр. 34.
  17. **Аристов Н. Я.** Промышленность Древней Руси. Санкт-Петербург : Королев и К°, 1866. [2], VI, 321, [3] с.
  18. **Учреждение** губернских правлений. Санкт-Петербург : Министерство, 1845. 49 с.
  19. **Письма** Наполеона к Жозефине во время первой италийской кампании, консульства и царствования, и письма Жозефины к Наполеону и к дочери. Т. 1. Санкт-Петербург : Временный департамент военных поселений, 1833. [2], XIV, 221 с.
  20. **Веселовский С. Б.** Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. Москва : Императорское общество истории и древностей российских при Московском университете, 1908. 234 с.
  21. **Шульгин В. Я.** Курс истории Средних веков. 8-е изд. Киев : Университет Святого Владимира, 1881. XXIV, 256 с.
  22. **Каринский М. И.** Классификация выводов. Санкт-Петербург : Ф. Г. Елеонский и К°, 1880. [2], II, 271 с. (Экземпляр Зональной научной библиотеки УрФУ)
  23. **Указатель** к периодическим изданиям Российской академии и Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1890. [4], CI с.
  24. **Русская** историческая библиография. Год 1855. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1861. [2], VIII, II, 166 с.
  25. **Кеппен П. И.** Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1861. VI, [2], 510 с.

26. **Зеленин Д. К.** Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. Вып. 3. Пг. : А. В. Орлов, 1916. IV, с. 989–1279.
27. **Вольтер Э. А.** Библиотека А. А. Куника. 2 с. (Оттиск из: Русский библиофил. 1911. № 7.)
28. **Геннади Г. Н.** Литература русской библиографии : Опись библиографических книг и статей, изданных в России. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1858. [2], 196 с.
29. **Vaudouin de Courtenay J.** Z sennych widziadeł ludzkości. [S. l. e. a.]. С. 245–249.
30. **Книга** поступлений. Славянское отделение. Библиотека Академии наук. Начата 29 апреля 1929 года [1929–1930].
31. **Пекарский П. П.** История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. Санкт-Петербург : Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1870. LXX, 774, [1] с.
32. **Кавелин К. Д.** Собрание сочинений. Т. 2. Санкт-Петербург : М. М. Стасюлевич, 1898. XXXII с., 1258 стлб.
33. **Кавелин К. Д.** Собрание сочинений. Т. 1. Санкт-Петербург : М. М. Стасюлевич, 1897. XXXII с., 1052 стлб., III с.
34. **Stammler R.** Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig : Veit & Comp., 1896. VIII, 668 s.

References

1. **Protokoly` zasedanii` Istoriko-filologicheskogo otdeleniia Rossii`skoi` akademii nauk.** 1919. [B. m.], [b. g.].
2. **Protokoly` zasedanii` Obshchego sobraniia Rossii`skoi` akademii nauk.** 1919. [B. m.], [b. g.].
3. **Beliaev N. S.** Knigi iz sobraniia A. S. Lappo-Danilevskogo v biblioteke IRLI RAN (Pushkinskii` Dom) // Akademik A. S. Lappo-Danilevskii` v pamiatii nauchnogo soobshchestva / otv. red. V. V. Kozlovskii`, A. V. Malinov. Sankt-Peterburg : Intesotcis, 2019. S. 874–887.
4. **Zvanskaia E. V.** Fragment chastnoi` knizhnoi` kolektsii akademika A. S. Lappo-Danilevskogo v fonde redkikh i cenny`kh izdanii` Brianskoi` oblastnoi` nauchnoi` universal`noi` biblioteki imeni F. I. Tiutcheva // Rumiantcevskie chteniia – 2021 : Materialy` Mezhdunarodnoi` nauchno-prakticheskoi` konferentsii : v 2 ch. Moskva, 21–23 apreliia 2021 goda. Ch. 1. Moskva : Pashkov dom, 2021. S. 331–335.
5. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1926 g.). Ed. khr. 27.
6. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1928 g.). Ed. khr. 7.
7. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1927 g.). Ed. khr. 14.

8. **Platonov S. F.** Bibliotechnoe delo // Akademiia nauk Soiuzu Sovetskikh Sotcialisticheskikh Respublik za desiat' let, 1917–1927 / red. A. E. Fersman. Leningrad : AN SSSR, 1927. S. 188–200.
9. **Rozhkov V. I.** Berg-kompaniia v magnitnoi` gore Blagodati v Sibiri i na Medvezh`ikh ostrovakh v Laplandii v tcarstvovanie Anny` Ioannovny`. Sankt-Peterburg : A. Transhel`, 1885. [2], 152 s.
10. **Lupov S. P., Kopanov A. I., Cookushkina M. V. i dr.** Istoriia Biblioteki Akademii nauk SSSR. 1714–1964. Moskva ; Leningrad : Nauka, 1964. 608 s.
11. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1932 g.). Ed. khr. 73.
12. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1936 g.). Ed. khr. 21.
13. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1937 g.). Ed. khr. 18.
14. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1937 g.). Ed. khr. 2.
15. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1937 g.). Ed. khr. 34.
16. **SPbF ARAN.** F. 158. Op. 3 (1938 g.). Ed. khr. 34.
17. **Aristov N. Ia.** Promy`shlennost` Drevnei` Rusi. Sankt-Peterburg : Korolev i Ko, 1866. [2], VI, 321, [3] s.
18. **Uchrezhdenie** gubernskikh pravlenii`. Sankt-Peterburg : Ministerstvo, 1845. 49 s.
19. **Pis`ma** Napoleona k Zhofefine vo vremia pervoi` italii`skoi` kampanii, konsul`stva i tcarstvovaniia, i pis`ma Zhofefiny` k Napoleonu i k docheri. T. 1. Sankt-Peterburg : Vremennyi` departament voennykh poselenii`, 1833. [2], XIV, 221 s.
20. **Veselovskii` S. B.** Sem` sborov zaprosnykh i piatinykh deneg v pervy`e gody` tcarstvovaniia Mihaila Fedorovicha. Moskva : Imperatorskoe obshchestvo istorii i drevnostei` rossii`skikh pri Moskovskom universitete, 1908. 234 s.
21. **Shul`gin V. Ia.** Kurs istorii Srednikh vekov. 8-e izd. Kiev : Universitet Sviatogo Vladimira, 1881. XXIV, 256 s.
22. **Karinskii` M. I.** Classifikatcia vy`vodov. Sankt-Peterburg : F. G. Eleonskii` i K<sup>o</sup>, 1880. [2], II, 271 s. (E`kzempliar Zonal`noi` nauchnoi` biblioteki UrFU)
23. **Ukazatel`** k periodicheskim izdaniiam Rossii`skoi` akademii i Otdeleniia russkogo iazyka i slovesnosti Imperatorskoi` Akademii nauk. Sankt-Peterburg : Imperatorskaia Akademiia nauk, 1890. [4], CI s.
24. **Russkaia** istoricheskaia bibliografiia. God 1855. Sankt-Peterburg : Imperatorskaia Akademiia nauk, 1861. [2], VIII, II, 166 s.
25. **Keppen P. I.** KHronologicheskii` ukazatel` materialov dlia istorii inorodtcev Evropei`skoi` Rossii. Sankt-Peterburg : Imperatorskaia Akademiia nauk, 1861. VI, [2], 510 s.
26. **Zelenin D. K.** Opisanie rukopisei` Uchenogo arhiva Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vy`p. 3. Pg. : A. V. Orlov, 1916. IV, s. 989–1279.
27. **Vol`ter E`. A.** Biblioteka A. A. Kunika. 2 s. (Ottisk iz: Russkii` bibliofil. 1911. N° 7)
28. **Gennadi G. N.** Leeteratura russkoi` bibliografii : Opis` bibliograficheskikh knig i statei`, izdannyykh v Rossii. Sankt-Peterburg : Imperatorskaia Akademiia nauk, 1858. [2], 196 s.

29. **Baudouin** de Courtenay J. Z sennych widziadeł ludzkości. [S. l. e. a.]. S. 245–249.
30. **Kniga** postuplenii`. Slavianskoe otdelenie. Biblioteka Akademii nauk. Nachata 29 aprelia 1929 goda [1929–1930].
31. **Pekarskii` P. P.** Istoriia Imperatorskoi` Akademii nauk v Peterburge. T. 1. Sankt-Peterburg : Otdelenie russkogo iazy`ka i slovesnosti Imperatorskoi` Akademii nauk, 1870. LXX, 774, [1] s.
32. **Kavelin K. D.** Sobranie sochinenii`. T. 2. Sankt-Peterburg : M. M. Stasiulevich, 1898. XXXII s., 1258 stlb.
33. **Kavelin K. D.** Sobranie sochinenii`. T. 1. Sankt-Peterburg : M. M. Stasiulevich, 1897. XXXII s., 1052 stlb., III s.
34. **Stammler R.** Wirtschaft und Recht nach der materialistischen Geschichtsauffassung: Eine sozialphilosophische Untersuchung. Leipzig : Veit & Comp., 1896. VIII, 668 s.

Информация об авторе / Author

Перекрестова Софья Владимировна – канд. ист. наук, научный сотрудник сектора Славянского фонда Отдела фондов и обслуживания Библиотеки Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация
perekrestova_sofya@mail.ru

Sofia V. Perekrestova – Cand Sc. (History), Researcher, Slavic Collections, Collections and user Services Department, Russian Academy of Sciences Library, St. Petersburg, Russian Federation
perekrestova_sofya@mail.ru